

— Если хочешь помнить обиды, помни всё, что я тебе причинил, всю боль, которую ты пережил, и потом потребуй с меня вдвойне, хорошо? — Ли Чжуннань не смягчил выражение лица, он пристально смотрел на Сяо Чжоухэна. — Если ты не будешь меня винить, мне будет очень тяжело.

— Чжуннань, — Сяо Чжоухэн лишь окликнул его, чувствуя себя одновременно смешно и грустно. — О чём ты говоришь?

— Это не шутка, хоть содрать с меня кожу, хоть связать и везти в гробу, не отпускай меня легко, — Ли Чжуннань схватил руку Сяо Чжоухэна и крепко сжал её в своей, его взгляд был твёрдым. — Каждое слово господина Цзюэяня я буду помнить и следовать ему, не упусти ничего.

— Ахэн, верь мне, я действительно хочу быть с тобой навеки.

Сяо Чжоухэн снова покраснел, но не стал вырывать руку, чувствуя, что Ли Чжуннань становится всё более бесстыдным. Рядом были другие люди, как он мог так не считаться с приличиями? Сяо Чжоухэн украдкой взглянул на Хань Теи, но тот, казалось, был погружён в свои мысли и не слышал слов Ли Чжуннаня.

Ли Чжуннань улыбнулся и тоже посмотрел на Хань Теи.

Хань Теи, почувствовав их взгляды, очнулся и, не заметив их сцепленных рук, задумчиво почесал затылок:

— Я пойду поговорю с ним.

Сказав это, он больше не смотрел на Ли и Сяо и вышел за дверь.

Ли Чжуннань, наблюдая, как Хань Теи буквально убежал, не смог сдержать улыбки.

— Чему ты улыбаешься? — Сяо Чжоухэн был удивлён, в другом месте Хань Теи будто стал другим человеком, он ничего не слышал, и теперь собирался поговорить с Ли Юньси.

— Сложно, — Ли Чжуннань повернулся и глубоко посмотрел на Сяо Чжоухэна. — Кажется, кто-то попал под чары.

Сяо Чжоухэн никак не мог понять, как Хань Теи мог так запутаться из-за Ли Юньси, потерять ясность и перестать различать правду и ложь.

Тысячи ли разделяют судьбу и случай. Внутри игры человек не осознаёт, а со стороны невозможно понять.

Хотя Хань Теи не часто бывал в усадьбе, он знал, где находится дом Ли Юньси.

Войдя внутрь, он увидел Ли Юньси, стоящего под разветвлённым деревом гибискуса. В туманном свете можно было разглядеть лишь силуэт в светло-розовом халате с узором лотоса. Ли Юньси одной рукой держал изысканную клетку для птиц из красного дерева, а другой менял корм внутри. Из-за недавних забот его фигура казалась ещё более хрупкой, а халат висел на нём, словно наполненный холодным дымом.

Услышав, что кто-то вошёл, он не повернулся.

Лёгкий ветерок поднял лепестки с дерева и земли, и на мгновение они заслонили взгляд Хань

Теи — силуэт Ли Юньси стал ещё более неопишным. До того как он увидел Ли Юньси, он насмеялся над тем, что тот потерял свои идеалы и предал предков, предпочитая заниматься низменным делом, но теперь Хань Теи понял всё до конца — этот человек был создан для того, чтобы избегать мирской грязи и не видеть костей, разбросанных по полю.

— Что, ты тоже пришёл просить меня? — холодно прозвучал голос Ли Юньси, он всё ещё не смотрел на Хань Теи, лишь слегка повернувшись, пальцем играя с птицей в клетке.

У птицы были синие лапки и красный клюв, зелёное оперение и изумрудный воротник, она выглядела очень богато и празднично. Хань Теи, подойдя ближе, понял, что это был попугай.

— Нет, конечно нет, — Хань Теи был явно смущён. — Я же говорил тебе, что не стану делать того, чего ты не хочешь.

— Тогда зачем ты пришёл? — Ли Юньси слегка повернул голову, его лицо, измождённое недавними событиями, выглядело ещё бледнее, а в глазах читались подозрение и равнодушие, что задело Хань Теи до глубины души.

— Я пришёл... — Хань Теи запнулся, взглянув на весёлого попугая, и невольно сказал:

— Я пришёл посмотреть на птицу.

Эти слова, явно скрывающие истинные намерения, заставили Ли Юньси рассмеяться:

— Это попугай только что прислал князь Му, откуда ты так быстро узнал?

Хань Теи застыл на месте, словно старые раны вновь разверзлись, обнажая плоть до костей, и он почувствовал, как кровь прилила к лицу, а внутри всё закипело. Прежде чем он смог насладиться этим мгновением, улыбка Ли Юньси исчезла, и лишь уголок его губ слегка приподнялся:

— У него ещё нет имени, раз уж ты здесь, давай назовём его.

— Я... — Хань Теи хотел отказаться, поговорить с Ли Юньси о делах с князем, но, увидев, как тот начинает хмуриться, поспешно сказал:

— Эта птица так хорошо сочетается с цветущими персиками, может, назовём её Чжочжо? Я простой человек, знаю лишь «персик цветёт, пылает ярко».

— В конце осени никаких персиков нет, — Ли Юньси повесил клетку на ветку и посмотрел на Хань Теи, стоящего в нескольких шагах, слегка нахмурившись. — Зачем человеку быть как цветок? Пусть чувства будут как вода, текущая тихо. Ты, кажется, стал слишком смел.

Хань Теи, будучи разоблачённым, не смутился, а, напротив, рассмеялся:

— Если тебе не нравится, давай придумаем другое.

— Ладно, это всего лишь птица, пусть будет так.

Хань Теи с детства изучал военное искусство, всегда помня о пяти бедах полководца: готовность умереть делает его уязвимым для убийства; желание жить делает его уязвимым для пленения; гнев делает его уязвимым для провокации; честность делает его уязвимым для оскорбления; забота о людях делает его уязвимым для утомления. Эти пять вещей — ошибки полководца, беды в войне. Разгром армии и гибель полководца неизбежны, если не учитывать

эти пять опасностей. Поэтому на поле боя он был мудр, смел, спокоен, решителен и холоден; но сейчас он был глуп, боязлив, раздражителен, труслив и взволнован.

Железный Отец Быстрой Битвы Хань Дунчи в какой-то год и месяц потерпел поражение за поражением; но он попал под чары гибискуса и не смог забыть его на всю жизнь.

Ли Юньси, видя, что тот больше не говорит, не смотрит на него и, кажется, о чём-то думает.

Хань Теи был высок и крепок, его одежда слегка расстегнулась, обнажив кожу цвета медового вина, Ли Юньси почувствовал, что тот заслонил собой прекрасный солнечный свет и испортил лепестки гибискуса у своих ног. Он уже хотел прогнать его, но услышал:

— Пэйчжи, я хочу выпить с тобой чаю.

Той ночью Сяо Чжоухэн увидел, как Хань Теи с невыразимым лицом вернулся в свою комнату. Он хотел подойти и спросить, но Ли Чжуннань остановил его:

— Не надо.

— Я знал, что так и будет, что случилось с Дунчи? — вздохнул Сяо Чжоухэн. — Он словно не в себе, не сможет помочь, лучше не вовлекать его в это дело.

Ли Чжуннань улыбнулся, но не ответил, видя, что Сяо Чжоухэн расстроен и хочет поскорее уйти из этого места. В конце концов, это он сам привёл его сюда, и, подумав об этом, Ли Чжуннань сказал:

— Шутин, ты видел, как выглядит влюблённый человек?

Сяо Чжоухэн вздрогнул, не понимая, к чему это, и чай в его руке пролился на рукав:

— Как?

Ли Чжуннань продолжал улыбаться:

— Ты не сказал ни слова, но каждый мой взгляд, каждая морщинка говорят о моих чувствах.

Услышав это, Сяо Чжоухэн посмотрел на Ли Чжуннаня, и в его глазах тот стал ещё более величественным, как луна в облаках:

— Но если бы я заговорил, каждое моё слово выражало бы это.

Ли Чжуннань замер, и в его глазах вспыхнула не скрываемая радость:

— Шутин, ты не представляешь, как я сейчас счастлив.

Сяо Чжоухэн тоже улыбнулся:

— Чжуннань, я понимаю, я тоже счастлив.

Цзюаньцзе чжи ши: человек, который держится особняком, не желая сливаться с толпой.

Юйчэнь цзыфу: везти гроб и добровольно связать себя, символизируя готовность принять наказание. Древний ритуал капитуляции (Ли Чжуннань слишком прекрасен, я не могу).

Ливэй: метафора заботы о стране и забывании о семье.

Бедствие пяти опасностей: из «Искусства войны» Сунь-цзы.

Ганьчжи даньцзуй, люйи цуйцзинь: из «Избранных произведений» Ми Хэна.

Ли Юньи угощал Сяо Чжоухэна чаем в главе 14 (тогда Сяо Чжоухэн почувствовал, что чай горький, но в банке чай был сладковатым).

<http://bllate.org/book/16134/1444686>